

www.promegalit.ru

аркадий застырец
день шестой
книга стихотворений

Поэтическая серия
«Только для своих»

аркадий застырец

ДЕНЬ ШЕСТОЙ
книга стихотворений

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Аркадий Застырец. День шестой: книга стихотворений - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 80 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-24

© Аркадий Застырец, стихотворения, 2016
© Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Один лишь звук исчез из языка /7/
Мы ждали ёлки, Рождества /8/
Там тётки в вечных перебранках /9/
ИОСИФ В ВЕНЕЦИИ /10/
Как слово сгорает /12/
Ангелы ведут меня краем котлована /13/
В Казани он – татарин /14/
24 01 2011 /16/
НА ВЫХОД В СВЕТ КНИГИ РОМАНА ТЯГУНОВА «БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ МЕНЯ» /17/
ЧАЙКА /19/
НАСТАВЛЕНИЕ ПОСЛУШНИКУ /20/
ЛЕНСКОЙ /22/
Мой дядя тоже умер, только /24/
ЭДЕМ /25/
Не перестань, настань ещё /26/

В итоге – все мы некрасивы /28/
Спящий в снегу забывает о боли /30/
За Виктором недавно Зинаида /31/
Мой брат погиб в Афганистане /32/
Дух творит себе формы /34/
КРАСНЫЙ, ОРАНЖЕВЫЙ, ЖЁЛТЫЙ /36/
На пристани дощатой /37/
ОМБРИЙ ФИЛИЙ ЕВБУЛЕЙ /38/
Январский шмель на мартовскую спицу /40/
ВТОРОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ПОСЛУШНИКУ /41/
Я не о гусенице плачу /43/
Часы идут, как пьяный по сугробам /44/
Я шёл работать на завод /45/
ИЮЛЬСКОЕ /48/
ДОЧЬ ЮВЕЛИРА /50/
РУКОМОЙНИК /52/
ДАВИД /54/

НЕТ, И НЕ БЫЛО /55/
Деревня, баня, макароны /57/
КРЕЩЕНИЕ /59/
НИРВАНА /60/
Москвой дышу я или не Москвой? /62/
Я – рожь, я вырос без затей /63/
БЕТТИ ПРЫГАЕТ ВНИЗ /64/
РОДЧЕНКО И ВАРВАРА. 1932 /66/
ПРЕВОСХОДНАЯ ТЬМА /67/
ХРИСТОС В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ /69/
КЛАВДИЯ /70/
ДЕВОЧКА И ПТИЦА /72/
РЫБОЛОВ /74/
ДЕРЕВО НАДЕЖДЫ /75/
УТРО НА МАЛЬТЕ /77/
Снова третий – не выше – этаж /79/

Один лишь звук исчез из языка,
Но без него не стал я безъязыким.
Я гляну ввысь — всё так же облака
Плывут путем, холодным и великим,
Ветвей, набухших тяжестью, наклон
Мои слова зелёным пленом вяжет,
Кто ляжет на пути — увидит сон
И тайное во сне невольно скажет...
На месте всё — и солнце, и луна,
И ночью у жены в подушке слёзы,
И слово «Бог», и пламя «тишина»,
И ломкие увядшие мимозы.
Я всё осмыслил: в смысле я силен,
Меня какой-то гений сочиняет,
На месте всё — и ненависть сияет...
Кто ляжет на пути — увидит сон!
Но следом и любовь, и нелегка
И лжива жизни ясная наука,
Когда вот так, без знака и без звука
Один лишь звук уйдёт из языка.

Мы ждали ёлки, Рождества,
Братаний, вольных хороводов,
И с фейерверком торжества,
И с доброй вестью скороходов.

Мы ждали ласковых гостей —
Сотрудников судьбы счастливой,
И в водах тёмного залива
Парада белых кораблей.

И на сияющем пороге
Мы ждали от южан подмоги
И скатертью накрыли стол.

Мы ждали чуда неземного,
Мы ждали князя Трубецкого,
Но князь на площадь не пришёл.

Там тётки в вечных перебранках
Свершают неопрятный труд,
Столетники в консервных банках
На подоконниках живут,
С восьми утра до полшестого
Перегорает и бурлит,
И запах варева простого
В июнь из форточек летит,
Да губы вывернув спесиво,
Стоят бессмысленные дни;
Там сердце женственное живо,
Весь день в крапиве и тени,
И дворник мётлы в ящик прячет,
Непререкаемо ворча,
И ничего, звеня, не значит
Полёт избитого мяча...
Как будто ангел свет бросает,
Не называем и не зван —
И смерть на время отползает
В трубопроводный котлован.

ИОСИФ В ВЕНЕЦИИ

Пространство сжимается.
Это – готический факт.
Иосиф, я знаю:
не слушая – всё же ты слышишь.
В Венеции ржавой,
зеркальной и зассанной... *fuck!*
Ты призрак теперь
и на медное моросью дышишь.

Пространство сжимается
в девственный свой уголок –
Со временем, точно
с волнистой чулочной резинкой,
Безветренно стиснутой –
«Нет, перестань!» – и поток
В тебе замирает,
как белая мышь под корзинкой.

Пространству до лампочки?
Ну же, Иосиф, колись!
Молчание призрака, впрочем, –
как речь гегемона.

Молчи, если хочешь,
а если не хочешь – молись.
Не Богу, конечно, –
второму закону Ньютона.

А я и не помню,
где первый теперь, где
второй:
Я знание предал –
да ну его на фиг – народу.
Ведь знание – сила.
А то, что оно – геморрой,
С тобою ушло
под венерину грязную воду.

Как слово сгорает
в латунных отчаянья тубах,
Чуть слышно гудя напоследок
в дрожащих губах
И небо рыдает,
на каменных мартовских трубах
Сияя впустую,
о парусном флоте рубах –
Так память, на миг
из поверхности вынув озёрной
Метафору счастья бездон...
<аварийный притык>
Достанет – и тает
без воздуха в дымке нагорной.
И зря ты к такому...
к любому напрасно привык.

Ангелы ведут меня краем котлована
с мартовскою талою водою
впереди ведут Петра позади Ивана
остальных не видно мне за души уздою

сверху вижу тополей взорванных тенями
разно-синюю листву это из-за ночи
и уже не в том вопрос что там дальше с нами
потому что дальше здесь некуда короче

потому что где же ты без конца печали
без тебя немоготу в вечности не спится
обещала ведь сперва оба мы молчали
точно море на стекле молния граница

может кинусь я с тропы захлебнусь рассветом
всё равно же пробужусь поздно или рано
а пока меня отца бежевым беретом
спрятав Ангелы ведут краем котлована

В Казани он – татарин,
В Татарии – казах,
Талантлив и бездарен
У женщин на глазах.

Он с компасом в кармашке
И со звездой во лбу,
В малиновой рубашке
На собственном горбу.

Он – лётчик-испытатель
Стремительных стрекоз,
Решительный искатель
Дешёвых папирос.

Он совестлив и страшен,
Хитёр, как Пендергаст,
И флаги с белых башен
Врагу спустить не даст.

Его отцы в столице,
А матери в Крыму.
С ним в упоенье слиться
Не хочется кому?

Сознательный безбожник,
Зато он видел Цну.
Он – времени заложник
У вечности в плену.

Втроём четыре фрица
В Фольксвагене сидят...
Куда машина мчится?
На кой они спешат?

Поди-ка, едет в Нальчик
Фольксваген голубой...
Он девочка, он мальчик,
Он может быть тобой.

24 01 2011

Оглушительны – шёпот и стон,
Крик не слышен, и слепы огни.
Сквозь удушливый обморок-сон
К тишине закордонной прильни...

Выдран с кровью из сердца Восток,
Испарились – нет более слёз,
И по жилам струится песок –
Это всё! Передоз! Передоз!

Беспосадочно души взвились,
Та – снегирь, эта – злая оса...
Уложили затылками вниз:
Пусть волются в глаза небеса.

НА ВЫХОД В СВЕТ КНИГИ РОМАНА ТЯГУНОВА «БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ МЕНЯ»

*Последний путь – не худший вариант.
(Р. Тягунов)*

Во власти зрения и слуха,
Я помню всё, что ты забыл
В эпоху истребления духа
И расточенья слабых сил.

Земле претит стоячий катет,
За вдохновенье мстит она.
За слово точное не платит
Трудов тяжёлых тишина.

Скажу и слова не нарушу:
Не гуще крови наш талант,
Последний путь – всегда наружу,
Он – вообще не вариант.

Но ты есть ты – на чёрной тяге
Предательских и подлых лет
Сорвался кляксою с бумаги
Во внешний вешний вечный свет

И возле беговой дорожки
Разлёгся на моем столе –
С вьетнамской маркой на обложке
И в ламинате, как в стекле.

ЧАЙКА

В высокой прохладе надмирной дороги
Поджав перепончато-алые ноги
И в ночь отметелив летающий лёд,
Сестра моя Чайка по небу идёт...

Сестра моя Чайка, без нижнего толка
Забывшая землю во сне богомолка,
На воздухе лёжа, уже не спешит
Высматривать, кто там в воде мельтешит.

Не мечется страстно и не выбирает –
Сестра моя Чайка, живя, умирает
И даже, возможно, к нечаянью зла,
Жива – потому что уже умерла.

НАСТАВЛЕНИЕ ПОСЛУШНИКУ

Bury your burdens in the ground...
(William Elliott Whitmore)

Сапёрной лопатой
в весеннюю жирную землю
Зарой свою ношу,
и осень мы поглядим.
Ни слёз, никаких отговорок
я впредь не приемлю:
Ты должен расстаться
с возлюбленным скарбом своим.

Сквозь талую смесь
оголтелого солнца с прохладой
Ты можешь пробиться
к сердечнику твёрдых корней.
Но даже коснувшись его,
не рыдай и не падай:
Земля – не источник,
рождаются души не в ней.

Ступай в глубину,
где огонь сторожит сердцевину
И тартар бессилен,
и черви уже не живут,
Где боль разлетается прахом,
теряя причину,
И ангелы именем новым
наружу зовут.

Ступай в глубину
до конца направлений и счёта,
Туда, где царит
одолевшая тьму высота
И сердца сдаётся
тугая земная работа,
И крылья за плечи
ложатся наместо креста.

ЛЕНСКОЙ

С душою прямо геттингенской...

<...>

...Над ней он голову ломал

И чудеса подозревал.

(А.С. Пушкин)

Постойте, вернётся
на родину славный Владимир,
лелеющий правду,
с печатью крестин-именин,
с кудрями до плеч или без,
он не только не вымер,
он – вечно живой,
и не важно, на -ской или -ин.

Он Ольгу полюбит
И в собственном доме поселит,
И вы его тоже
Привыкнете сладко любить.
Увидите, братцы,
Онегин его не застрелит.
Такого героя
Евгению не пережить!

Владимир – не гордый,
Не надо ему и медали.
Не дали – и ладно!
А всё-таки дело пойдёт –
Орлиным легко
Прозревая туманные дали,
Крылом над тайгою
По новой качнёт самолёт.

И денег Россия
На недрах бессовестно слупит.
Какая там зелень!
Серебряной станет трава –
И осень на горло
Упавшему лету наступит,
И холод с рассветом
В исходные вступит права.

Мой дядя тоже умер, только
Вдали, давно и в нищете.
Мала моя земная долька,
Путь со щитом и на щите
Кошмарно краток, что ни делай.
Чем жизни сон ни продлевай,
В степи Небес очнёшься белой
Под оклик ангельский: «Давай!»...
И видишь, видишь – дело к ночи,
Ещё не кончилась война,
И после времени жесточе
Нам стелет полная луна,
И после совести проститься —
Уже физически никак.
Зато Небесная Царица
Проводит с поля на большак
И молвит:
«Ты себя не мучай,
На Бога въяве положишь,
Из пустоты не мощен случай
Творить сияющую высь».

ЭДЕМ

Кто измеряет лотом,
Кто Лотовой женой,
Омытый смертным потом,
Как в копи соляной,
Эдем ругают мифом,
Несбыточной мечтой,
То дамским кроют лифом,
То мраморной плитой...
А он легок и ясен,
Как на заре роса:
Весь опыт наш напрасен
Без веры в чудеса.
Все нужды смехотворны
У этих белых врат,
Творения притворны
И примитивны, брат.
Мы все Эдемом бредим
И раны берем.
В Эдем, Адам, поедем!
Там яблок поедим...

Не перестань, настань ещё,
Екатеринин бург,
Досмертное пристанище
Ощипанной Симург!

Над трупами, за трубами
Воспетый не за то,
Что был с губами грубыми
И в драповом пальто,

И не за то, что струнные
Над ВИЗом небеса
Промчали в утра лунные
Полвека в полчаса.

За дым? За паче циммера
Ипатьевский домок?
За маузер Владимира,
Стреляющий в висок!

И в праздник невесёлыми,
Суровыми, как нить,
Нельзя с такими сёлами
На росстани шутить.

Нельзя, нельзя, товарищи,
По ледяным пруда
Тащить своё кошмарище
Отсюда и сюда,

Где каменно завязано
Не сердце ли страны...
.....

– Нельзя? Да нам не казано!
И не вселяйся в ны!

В итоге – все мы некрасивы...

.....

Внутри окружности земной
Недостаёт любви и силы,
И сны не делают иной
Уму открытую картину.
Граница за нос водит нас,
И рукотворную личину
В тени увесистых прикрас
Нам норовят всучить не даром,
И ложным словом отравить,
И жизни реку лёгким паром
Внушают до смерти завить,
Суля тоску и все напасти
Свободным от желаний власти...

.....

Но где они? И кто они?
Илья, бранился ты законно
На Юрия, когда пистонно
Тот возжигал в себе огни
В эпоху сладкую Советов,
Гонимый, гордый, молодой,
С зубами, чёрной бородой,
В шеренге изгнанных поэтов –

Набоков, Данте... и т.д. –
Он пил и ел, и злые строки,
Развившись в этой бороде,
Разили батюшек пороки.
Внимавшим чудилось: каюк!
Казалось, миг – и песня барда
Подымет, как мясницкий крюк,
Весь мир по воле авангарда,
Не сдержит властный потолок
Певцов талантливых и цельных,
И ринется с горы поток
Молочный в берегах кисельных,
И всё получится у нас,
И кран, и гвоздь, и сон младенца,
За мылом будет полотенце,
Под задом – тёплый унитаз...
Но поутру взрывал дремоту
Угрюмый философ Егор
Истошным воплем: «Стыд-позор!
Бессмыслица!» И эту ноту
Держал наверно полчаса...

.....

В итоге – все мы некрасивы...

Спящий в снегу забывает о боли,
То есть, не просто не чувствует, а
Вдруг отрывается воздухом воли
И улетает, как моль от винта.

То есть, не пьянь в забыты, а трезвея,
С каждой секундой над морем и тьмой
Веруя крепче, и рея, и вея,
Спящий, казалось бы, прошлой зимой...

И не покорный изгибам простора,
Ибо закону летит вопреки,
Не баритон или тенор из хора,
Не продолжение Божьей руки,

Но на любом языке говорящий –
Это не снег на морозе скрипит –
Временно всё ещё медленно спящий,
Даже – не важно – и мёртвый на вид.

За Виктором недавно Зинаида,
И вот уже затеяли ремонт –
Для чистого и радостного вида,
Комбинезон, графин, косынка, зонт...

Заварен в самый раз и даже лишку
Крахмальный клейстер в розовом тазу.
И не на вечер, на ночь – передышку,
Торопятся – как путники в грозу.

Как все бывают, молоды и гладки,
Ни облачка на высветленном лбу,
Обои клеят в правильном порядке,
Не озираясь: что там на горбу?

За Виктором недавно Зинаида:
И года нет, как счастье началось.
Во власти новобрачного рапида
Так хорошо! Не до смерти небось...

И в сером этом выгоревшем тоне,
В прекрасных лиц мерцающем наклоне
Из прошлого сквозь фотоаппарат
Небесные глаза и не глядят.

Мой брат погиб в Афганистане...
Где он и не был никогда.
С аванса в водочном дурмане
Он вновь и вновь летал туда

На оглушительной вертушке,
Сжимая жаркий автомат,
И спирту был из мятой кружки,
Из алюминиевой, рад.

Мой брат погиб в Афганистане...
В жару и гибельный мороз
Он явь в отчаянном обмане
Сшивал струями мутных слёз

И врал о небе Кандагара
И тайной миссии своей,
О вкусе горького угара
На веках раненых друзей.

От света выцветшею бровью
Он боль к закату прижимал
И рисовал текущей кровью
На горизонте контур скал.

Мой брат погиб в Афганистане...
Я не сумел его спасти –
Ни на такси к жене Татьяне
Кривого насмерть увезти,

Ни в Пасху на богослуженье,
Ни в воскресенье летний лес,
Какое, на фиг, тут спасенье,
Ведь он в такую даль залез!

Дух творит себе формы,
По городу в сумрак летая,
И с тех пор до сих пор мы
Живём, эти формы листая,
Второпях и бессменно,
Солдаты во сне и в субботу,
Исполняя мгновенно
Загробную даже работу,
Эти стены и крыши
Собою с утра оглашая, –
Слух имеющий слышит –
Шагаем, задачу решая,
Утешаем ребёнка,
Латаем тайком табуреты,
И не рвётся, где тонко,
Не падает, где мы и где ты.
Потому что бессмертье
Рисует всё новые цели,
Не хотите – не верьте,
Усталый не чувствует мели,
Убегает, ложится
И думает, что умирает,
И усталому снится,
Что он в умиранье играет,

И уснувшему мстится,
Что на кон он ставит дыханье,
И рулетка вертится,
И выигрыш ясен заранее,
И секунда – как шарик,
Со стуком вращается, скачет,
А рука уже шарит,
А образ явился и значит...

КРАСНЫЙ, ОРАНЖЕВЫЙ, ЖЁЛТЫЙ

Мне нравится вид из окна –
Под снегом плетёные ветки,
И улица утром видна,
Как птица в нечищенной клетке.

Огонь заявила зима,
Собака согрелась – не лаает,
И каждый охотник желает
В чужие проникнуть дома.

И кто не охотник вперять
За стёкла нескромные взоры?
Не все ли мы робкие воры?
Всё тащим, не в силах понять...

Иметь бы, вживить бы под дых
Без платы, без спросу и права!
Пускай нам и воздух – отравя,
И снег-то – смертелен и тих.

Вся наша страна – сторона,
Где брызги – поминки прибою...
И ладно! Пока я с тобою,
Мне нравится вид из окна.

На пристани дощатой
Встречались мы с тобой.
Ходил я вечно в пятый,
А ты – уже в шестой.

Нас разделили годы
И не спасла зима,
Где знаменье свободы –
Снежинок кутерьма,

Ни робкие свиданья
С сердцами взаперти,
Ни жгучие касанья,
Когда пора идти,

Ни верности бесплотной
Игрушечный Эльбрус,
Ни тьмы бесповоротной
С разлукою союз...

Прообраз разве Рая
Была, росой пыля,
Влюбленности сырая
Дрожащая земля?

ОМБРИЙ ФИЛИЙ ЕВБУЛЕЙ

*нету боле вече
заковали, ась?
Данила Давыдов*

Ну, типа, такая Даная,
Нечаянно за полночь: «Ась?»
И, как бы ответа не зная,
Златому дождю отдалась.

Златому и знойному Ому,
Потоку любви неземной,
Такому косому, слепому,
Сперва через окна стеной,

А после точней и детальней –
И в яблочко, и в молоко,
Как выстрел с дистанции дальней,
С оптическим – выдох, легко!

Пальнёт – и на чёрные лыжи
Поставит решительный шаг...
За бога в ответе не мы же,
А бог, он – известно, мастак:

Уж если кого вождедеет –
Так боком выходит тому,
И коли кто волю лелеет –
Неволей послужит ему.

Издревле растёт изумленье:
Ужели и правда Зевес
Придумал себе погруженье
В физический сей интерес?

В дожде ли, в быке ли ретивом,
Как лебедь на этом и том,
Срамным не гнушаясь порывом,
Готов он и в гайку болтом,

Готов он и трупом под землю
В горячем и пышном гробу...
Знай, шепчет: «Я всё это емлю!
Я всех вас вертел на лубу!»

Январский шмель на мартовскую спицу
Садится так, что пепел и цветы,
И день уже под тяжестью кренился
Всей этой невесомой чистоты.

Ненастье ль эти нежные напасти,
Когда с трудом даётся каждый шаг
И северные хитрости и снасти
Не помогают... Выдохнешь в кулак,
Отбросишь вдаль фанерную лопату
И – на спину в чудовищный сугроб...
Продрогнешь, как киношный Носферату,
И думаешь: «Скорей бы уж потоп!..»
И засыпаешь в медленной перине...
Такие вот небесные дела.
«Надежда, передай сестре Ирине:
Мария дома сына родила».

ВТОРОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ПОСЛУШНИКУ

Считая синие машины,
Стояли двое на мосту...
Меж тем, росли уже причины
Их обоюдному кресту
И отвращению отчасти,
Тяжёлому, как семя скал,
И зрел взамен весёлой страсти
Досадной наледи оскал.

Они не думали о третьих,
Те двое в светлых лоскутах,
Как небо от земли – от этих,
От этих-то двоих – в летах,
Ремнях, овчине и погонах,
На тех же физики законах,
Но без минутной на часах –
Оцепенение и страх.

Теперь им изменяться поздно,
Друг другу уж не изменить,
И тянет, тянется гриппозно
Судьбы коричневая нить.

К чему их юность поманила?
На что их зрелость соблазнила?
Зачем – такие вот дела –
К могиле старость подвела?

У жизни смысла нету, друже,
Когда нас горизонт земной,
Как циркуль дедушкин, окружит
Своей коленкою стальной,
Когда, верны его внушенью,
Мы мрак лелеем впереди,
Не веря чудному мгновенью,
Не чуя космоса в груди.

Я не о гусенице плачу,
Чье совершенство впереди.
Мы куколки её задачу
Давно решили – погляди,
Как из коричневой скорлупки,
Идущей трещинами вдоль,
Украдкой тоненькие крупки,
Прияв златую канифоль
Новорождённой круговерти,
Восходят к небу... А теперь
Ответь и сам в ответ поверь:
Как долго бабочке до смерти
И обращения трухой?
И для чего потребно Богу,
Чтоб вечером прилип к порогу
Её останочек сухой?

Часы идут, как пьяный по сугробам –
След в след, скрипя... Сражается со мной
Бессонница – бельмом, заботой, зобом
И с потолка прохладной простыней.

Запуганное собственную тенью,
В подробностей раскатистом драже
Добро всегда готово к отступленью,
Безумие же век настороже...

Будь воином, сжимающим до крови
Высокое копье или ружьё.
Будь воином, чьи выбелены брови
И сердце бьёт размеренно в плечо.

Посей тайком за пазухой со вшами,
Под бронзовый шинельный отворот
Такое непростительное пламя,
Что и недельный ливень не зальёт.

А там рванёшь за шёлковую нитку
В раскате сорока воздетых труб –
И вылетит из пламени навскидку
Истраченный, молочный, лёгкий зуб.

44

Я шёл работать на завод,
В счастливый город-сад.
Летел, и поездом, и вот –
Приехал, – говорят.

Приехал – значит, заходи
В огромный коридор,
Где пыль и солнце впереди
И грозный разговор.

А там – в печи халькопирит,
Беспомощна руда
И тайный женский ход открыт
С полудня навсегда.

Но нет работы – день шестой,
Безвыходный теперь,
И в белой масляной густой –
Распахнутая дверь,

И от подножия до лба
Пустой прозрачен цех,
И с неба чёрная труба
С дождём кладёт на всех.

45

Что делать нам? Куда нам плыть?
Как смысла прах собрать
И сна серебряную нить
На плане отыскать?

И как – по щиколотку грязь,
Зато в огне знамён –
Не пятясь и не матерясь,
Бегом отсюда вон?

Я шёл работать на страну,
Неся в громаду клад,
Вперёд и вверх, а не ко дну
И ниже, в самый ад.

Я шёл трудиться день и ночь,
Пока сильна рука,
Чтоб разодеть жену и дочь
В знамённые шелка

И чтобы свет, и чтобы хлеб,
И ветер поутру,
И чтоб никто, от солнца слеп,
Не оставлял игру.

И чтобы наших танков рать
Не одолеть врагам
И никому не умирать
По вешним берегам.

ИЮЛЬСКОЕ

Июля зелены руины,
Полудня чёрен паровоз,
Пчела из ягодной корзины
Вслепах высовывает нос,

Горит газетная бумага
Невидимо, но видишь ты:
На этажах универмага
Горят вощённые цветы,

Поскольку, не жалея краски,
В подвале мрачном инвалид
И сам от страсти и опаски,
На сердце смешанных, горит.

А за окном велосипеды,
Летят к воде и кораблю,
И лебедь на колено Леды
Кладёт протяжную свою.

И плачет маленький работник
Декоративного труда
О том, что он не муж, не плотник
И что жена ему – беда.

И не мечтает он о встрече,
Ручьи солёные со скул...
А я бы взял его за плечи
И сверху в озеро толкнул.

В твоих руках твоё спасенье.
Не делай больше ничего.
Плыви сквозь неба отраженье,
Взрывая взмахами его!

ДОЧЬ ЮВЕЛИРА

По известной причине
считается, будто она
В невесомой любви
утопает буквально с рожденья
И стрекалом златым
погоняет не только слона,
На корню попаляя желанья
огнём исполненья.
Сам слышал, и не раз,
но за сколько купил, не продам,
Что у ней правый глаз
из лучистого сделан топаза
И она оттого
даже в первых присутствии дам
Ослепительна, как
гильотина на солнце, зараза!
Но минувшею ночью
она посетила меня
В нескончаемом сне
о берёзовом зимнем свиданье –

И, чуть слышно от счастья
и радости плотской звеня,
Прижималась щекой,
и от страха, и так – на прощанье.
В чём-то белом и сером,
дешёвом, как твёрдый билет,
Но нежнее жемчужины,
ярче и глубже рубина,
И горел семицветно
в окне моём сливочный свет,
И сжигала меня
в нищете драгоценной ангина.

РУКОМОЙНИК

На ручкойнике моём позеленела медь...
(Анна Ахматова)

На ручкойнике твоём
Позеленела медь...
На ручкойнике моём
Её не разглядеть.
Но ведь и у него на дне
С рассвета звонкий лёд,
И мне лицо, и руки мне
Он беспощадно жжёт.

На ручкойнике моём
Есть финка под ребро,
В небесный павшее проём
Темнеет серебро,
И драгоценные часы
На потном ремешке
Во мгле железной полосы,
И на плече перке.

На ручкойнике моём
Из носу, солоня,
Течёт багровая ручьём...
Она, браток, она –
Любовь без меры и ума,
Полночная страсть,
В объятьях душащая тьма,
Внушение пропасть.

И всё ж, неверная сперва,
Под осенью босой
Во тьме забрезжит мурава
Хрустальною росой.
На ручкойнике твоём
Позеленела медь...
И на моём, и на моём
Дано ей зеленеть!

ДАВИД

Не подражаю герою –
Ведомы слабость и страх,
Не создаю, не строю,
Не оставляю в мирах,

Не повиваю во хлеве
Медленный будущий скот,
Не в золотистой пелеве –
Чую во тьме недород.

Вытачных шил не втыкаю
В кожу ли, в дерево ли,
Килями вглубь не пускаю
Со стапелей корабли.

Где мне сыскать оправданье,
Если приблизился враг?
В силах ли жалкое тщанье?
Крест нашиваю на флаг...
Верую не в истукана,
С Господом перемогу...

.....
Мальчик убил великана –
Видите кровь на снегу?

НЕТ, И НЕ БЫЛО

*кто кость у собаки отсудит
кто в небо запустит глонасс
когда-нибудь смерти не будет
но это уже не про нас
(Бахыт Кенжеев)*

Рассудку и воле отравы,
Исчадие пены земной,
Мерзотно она величава,
Да только всегда не со мной.
Хватает сторонним испугом,
Кладбищенским рвёт комарьём,
Когда ты с отцом или другом
Прощаешься в мире своём.
Мгновением годы промерив,
Глядит из бессоничной тьмы...

И в пугало это поверив,
На что пригодились бы мы?
Что было бы нам? На колени,
Услышав о ней невзначай,

Свернуться калачиком в сене,
Чьей смертности запах – как чай,
Не трогать, на лошадь не нукать,
За небом и лесом следя,
Лишь жалостью память баюкать,
Под рёберный лёд уходя
В трясине, во мраке, в пещере,
Как ужас животный велит...

Но Гамлета выдуман череп,
И Йорика – лишь реквизит.
И Радостной Вести науку
О том, что не выключить свет,
Трактует старушечка внуку,
Сияющему в ответ.

*Россия, Лета, Лорелея.
(О.Мандельштам)*

Деревня, баня, макароны,
Окоченевшее окно.
Вон на заснеженные склоны
Ложится вечер, как в кино.
В дымок сладчайший завитые,
Греховны помыслы парят,
Но брёвна тут не золотые
И девки матом говорят.
Как я пробрался по сугробам,
Хрустальным воздухом дыша,
К моим зазнобам и хворобам,
Чья память лишь и хороша?
Как очутился в тёплом доме,
Где – хоть от радости кричи –
На всём готовом, разве кроме
Любви на лавке у печи?
Любви пока не полагалось.
Не жалко, нет, не потому!
Лет пять ещё расти осталось
Уму и прочему всему

До подземелия постели
Не без оглядки и преград,
В слезах и больно, еле-еле,
Сквозь ревности падучий ад...

.....
Как не дано мне путь измерить
Элементарным раз-два-три,
Так не могу, прости, поверить,
Что лунный свет не изнутри,
Что изначально тьма повсюду,
Не видно собственной руки,
Ни уду места нет, ни чуду
И звёзды страшно далеки,
Что сон значительнее яви,
Что – притворяйся и таи,
А случай – Господи избави! –
Единый бог в небытии.

КРЕЩЕНИЕ

*Из-за аномально теплой погоды плоды на деревьях не успели замерзнуть и забродили. Свиристели склеивают их и пьянеют – теряют ориентацию, не могут лететь по прямой, врезаются в машины, падают и бьются в окна.
(Лента новостей)*

Свиристели пьянеют от ягод, в тепле забродивших,
И врезаются в окна, не мощны лететь по прямой,
Кровью залиты стёкла и взоры ещё не родивших
Запоздалой, туманной, неправильной этой зимой.

И родившие тоже с улыбкою тихо оплачут,
От младенцев своих не подьемля светящихся лиц,
Стаю розово-серых, что, падая, что-нибудь значат,
Неожиданно ломких, замедленных брагою птиц.

Кто-то кличет: «Подъём!» Кто-то шепчет украдкой: «Упадок».
Небывало черна с пробуждением январская рань.
От погодной резины тем паче боярышник сладок,
И крещаемых святки по снегу ведут в иордань.

НИРВАНА

Ни ровно, ни рвано по краю села
К монаху нирвана взяла и пришла.
Как ночь, навалилась, как волки на пса:
Вселенная – силос, желанья – попса.

Любовь там и вера, надежды рядом,
Весь космос – химера, и планы – кино.
Как палкой в затылок: удар – и просвет,
Ни тьмы, ни развилки, ни атома нет.

И после не надо уже ничего –
Ни осенью сада со смертью его,
Ни ранней весной журчанья в горах...
С дорогой земною простился монах.

С материей – тоже: в основе вещей –
Ни кожи, ни рожи, ни каши, ни щей.
Ни Будды, ни Бога, исчез шапито:
Пустынно, убого... Спокойно зато.

.....

Наутро очнулся, пригубил воды,
В ворота метнулся, туды и сюды...

И в нежную пыль опустился монах
Размазал её по лицу на слезах,

И птицу услышал в рассветном луче
На ветки дубовой суровом плече,
И тихо сказал: «Не купить ли вина?
Нирвана, нирвана... пошла она на!»

Москвой дышу я или не Москвой?
А может, только улицей Московской,
Большой и неопрятной, как Лебовский
Во мгле родной, свердловской, воровской...
Увы, в столице нету буквы «рцы»,
Влюблённой, хлебной, пресной и раскосой...
А здесь, в Свердловске, квасят огурцы
До становленья зелени – белёсой,
Как мамин лифчик, выцветший в огне
Короткого в июле солнцепёка,
Как сталевара серая опока
И пыльный клейстер в мартовском окне.
Москвой дышу ль в моём туманном сне?
А может, и Москвой – в отверстой дали,
В рубиново-лазурной вышине,
Где тают наши местные детали
И всё уходит в ясный оборот,
Над водами раскидывая вёсла,
Когда гроза над площадью встаёт,
Востря свои желобчатые тёсла,
Как крылья – реактивный самолёт.

Я – рожь, я вырос без затей,
Люблю жену и верю в Бога.
Ярош, не режь моих детей
и никого моих не трогай.
Уйди за Днепр, уйди за Стырь,
Живи с поляками в союзе,
Не приходи в наш монастырь,
Не поднимай топор на узел.
Живые все, кого убьёшь,
тебя, бедняга, не оставят
и вечность жалостью отравят
тебе, когда ты в ад сойдёшь.

БЕТТИ ПРЫГАЕТ ВНИЗ

Дырка в зелёном талоне,
Нету иного пути –
Бетти на каменном склоне,
Нам её вряд ли спасти.

Брошены в пропасть наряды,
Сумочка, туфли, очки...
– Бетти, не прыгай, не надо! –
Снизу кричат мужики.

Бетти ни звука не слышит,
Мерно вздымается грудь,
Девушка плачет и дышит,
Видя единственный путь.

Руки раскинув, упрётся
Парой зажмуренных глаз
В противовесы колодца –
Звёзды в полуденный час –

И оттолкнётся ногами
От непреклонной скалы:
– Сами не прыгайте, сами
Сволочи вы и козлы! –

Медленно, точно пружина
В тайне часов золотой,
В капле кровавой рубина...
– Не приземляйся, стой!

Пламенем, ягодой, лоном
На кукурузном листе –
Так и летай над каньоном,
Голый упрёк высоте!

РОДЧЕНКО И ВАРВАРА. 1932

С утра Варвара моется в тазу,
Отночевав, нагая, молодая...
А Родченко с искателем в глазу,
От всяческого голода страдая,
Её навек снимает в серебро,
Вослед недовведённому зачатью
Суёт себе бликующей печатью
Тавро под угловатое ребро.

Под чёрной тенью Родченко руки,
Из-за наклона, в сущности, безличны,
В тазу вода, колени, позвонки
Революционно гелиографичны.

Но погоди! Всего лишь век иль миг
То утро неизбытое прострочит –
И, мокрая, в тазу Варвара вскочит
И схватит, хохоча, со смертью стык.

ПРЕВОСХОДНАЯ ТЬМА

*See the black heels around the fire
Feel the night air and perfect darkness
(Fink)*

Был и нету, нема!
Чехов пишет: «Струна».
Превосходная тьма
Неизбежно нежна.

Превосходная тьма
Разрывает тюрьму –
Сводит в небыль с ума
Незаметно уму.

Тьма сама по себе:
Соловей на шесте,
Или грач на трубе –
Был и сплыл в высоте.

На струне канифоль
И в паяльном огне,
А во тьме уже боль –
Это умер во сне,

Или горной гряды,
Улетающий лёд,
Предрассветной черты
Хоровод-живород.

Из фрамуги кричат:
«Имя, имя – домой!»
Лишь объят, не зачат
Превосходною тьмой

И отнюдь не убит,
Как надеждой – зима,
Где, казалось, царит
Превосходная тьма.

ХРИСТОС В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Добавить невозможно ничего.
Разгадывать значение картины?
Но в плотницкой прозрачно естество
И долото прочнее древесины,

И нету ничего острее гвоздя,
И чище нет воды в овальной чаше.
Прозрачна кровь немного погода,
Немыслимо отступничество наше.

И взгляд Марии – сломанный росток,
Без теорем Предвечному покорный, –
Бессильная, как стружки завиток,
Несчастливая, как поля выдох чёрный.

И лестница Иакова не зря ль
Приставлена к стене, превыше меры?
И дремлет на ступени голубь серый,
А над овчарней – облачная даль.

КЛАВДИЯ

Она отошла ко сну,
Устав от костей и кожи.
Сносила войну, вину,
И кровь, и любовь сдала.
Тяжёлой спиной ко льну
На страшном последнем ложе
Прижалась, прикрыв глаза,
Прильнула – и все дела.

Она отошла ко сну,
И там увидала – что ты! –
Не киевский свой балкон
В июне, когда бельё
Развесила, а в небесах
Военные самолёты
Друг другу послали враз
Убойное молоньё.

И не Сталинград, во тьму
Сползающий из-за Волги,
Когда поседела прядь
И сделалась бровь мучной,

Не тех должников, кому
Простила давно все долги
И жгучей обиды яд,
Когда довелось одной.

Увидела там – рассвет
В деревне родной за Доном,
С гвоздями в зубах отца –
Сапожника над сапогом,
И ворох порхнувших птиц
Над садом слегка зелёным,
И несколько детских лиц,
И хлебом пропахший дом.

ДЕВОЧКА И ПТИЦА

Птицы девочка боится:
Ей в кошмаре снится птица:
Перьев скрип и клац когтей,
Яйца, полные детей.

Птица мечется в прихожей
С перепонкой желтокожей,
У неё в глазах остры
Крови мокрые костры.

В запрокинутой гортани
Граней много, как в стакане,
Голос птицы – ржавый гвоздь,
Невесомы плоть и кость.

Вот она к лицу рванула,
Пыльно крыльями взмахнула,
Ноздри чёрные раздув,
Отворила алый клюв –

И растаяла мгновенно,
Птица-льдица, тленна-бренна.
Нету птицы, бывшей сном,
Ни в огне, ни за окном,

Лишь, мерещась, тени вьются,
Друг ко другу люди жмутся,
И с громадной высоты
В руки падают цветы –

Астры, ландыши, жасмины,
Лопухи и георгины –
Утром, ночью, целый день –
Липа, яблоня, сирень...

РЫБОЛОВ

Рек небесных берегами
Вышла на зиму Земля –
Затрещали под ногами
Барабаны февраля.

И с утра, пока не поздно
И часам не кончен счёт,
Солнце светит или звёздно,
Вдоль по берегу идёт

Рыболов в рябом тулупе,
Стар и страшен, сыч сычом,
С ледобуром острым вкупе –
Чёрный ящик за плечом.

Он в пруду не рыбу ловит,
Пьёт не водку над водой
И не знаю что готовит,
Что зовёт питьём-едой.

Синева за снегопадом –
Как за вторником среда.
И сидят в сугробе рядом
Никогда и Навсегда.

ДЕРЕВО НАДЕЖДЫ

Árbol de la esperanza mantente firme.
(Frida Kahlo)

Стой прямо, дерево надежды
В моём неприбранном саду!
Когда сомкнутся тучи трижды,
Тебя дождём я обойду.

Стой твёрдо – и взойдёт из грязи
Свет утра, моря и цветов.
Ещё в божественном рассказе –
Неисчерпаемое слов.

Стой прямо, дерево надежды!
Не перестань, превозмоги,
Пока гроза и вихри снежны
Свивают в воздухе круги.

Стой прямо, дивная опора,
На превосходной жизни днях,
Не прекращая разговора
Скворцов на розовых ветвях!

Уже сегодня привыкаю
К неумиранью наяву
И всё ладонями ласкаю
Твою пожухлую листву.

УТРО НА МАЛЬТЕ

Солнце восходит и ласточек сон перелётных
Первым лучом разбивает на чистый хрусталь,
Бабочки в небо подкинуты ветром с бессчётных,
В ряд облака увенчали тревожную даль...

К крепости белой из синего моря причальте –
Вот и приплыли, и сокола клич над крестом.
Братцы, отныне давайте на ласковой Мальте
С Божией помощью в радости век доживём!

Здесь не бывает ни снега, ни выюги, ни бури,
Каждая пядь до живого тепла обжита,
Может быть, главное дело в целебном сабуре,
Или шалфеем от острова хворь отнята,

Или спасает кора жестколистного дуба
Смертных внезапно в ином государстве людей...
Яства легки, и сугубая милость прелюба –
Знай, о посте и молитве исправно радей.

Жить бы и жить, если б войны щадили да кабы
Мимо шныряли корсары, не ведая карт.
Стойте, испанцы! Оставьте в покое, арабы!
Сдохни в Египте, достал ты уже, Бонапарт!

Снова третий – не выше – этаж.
Всю-то жизнь я воркую на нём.
Ты мне трёшку помятую дашь,
Чтобы сбегать за красным вином?

Бог не выдаст, и – кто там не съест?
Я не помню. Так ты говоришь,
Тёмной ночью хорош Бухарест,
Но, конечно, не то что Париж...

Задубели колёса в часах,
И на рейде больничного сна
В прохудившихся ждёт парусах
Не достигшая неба сосна.

Завершается день мой шестой,
Приближается Божья страда,
И прожектор горит золотой –
Как на крышу упала звезда.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Аркадий Застырец
ДЕНЬ ШЕСТОЙ:
книга стихотворений

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 11.04.2016 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.